

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

СТЕНДАЛЬ

*Рим, Неаполь
и Флоренция*



Санкт-Петербург

УДК 7.06 + 792
ББК 85 + 85.33 (3)
С 79

Перевод с французского Надежды Рыковой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-13285-6

© Н. Я. Рыкова (наследники),
перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство АЗБУКА®

Ах, сударь, как можно быть персом?
«Персидские письма»

Предисловие

Один лондонский издатель оказал мне честь, выпустив в свет второе издание этой книжки. Ибо, говоря по правде, ее нельзя назвать настоящей книгой. Автор даже не перечитал большей части записок, составивших первое издание. В то время я испытывал отвращение ко всякому жеманству и твердо решил не выклянчивать литературного успеха у парижских журналистов. Я расчитывал проводить в этой столице мира лишь по месяцу каждые два года, чтобы знакомиться с изменениями в общественных нравах и в программах театров. Я полагал, что создать что-либо стоящее можно, лишь оставаясь самим собой, а иметь успех в Париже возможно только при условии *быть как все*. Словом, я был преисполнен гордости человека, который только недавно в течение полугода знал счастье.

В этом третьем по счету издании я предлагаю вниманию публики почти все мои записки. В 1817 году из осторожности я принужден был воздерживаться от печатания многих вещей, вполне невинных по содержанию и, безусловно, ничем не примечательных, но которые могли повредить в Италии людям, мне дорогим. Сейчас эти причины отпали. В обществе, преданном развлечениям, в обществе, увлекающемся модой, за семь лет все так меняется!

Какой интерес может представить теперь изображение Италии такой, какой она была в 1817 году? Так ответил я доброжелателям, побуждавшим меня выпустить второе издание.

«Обычно путешественники по Италии описывают только *вещи* — памятники, местоположение, волнующие картины природы. Вы же, — говорили мне, — так или иначе рисуете нравы населения, *итальянское общество*, эту совокупность своеобразных привычек, сказывающихся в том, как люди предаются любви, наслаждениям, одиночеству, как они проявляют искренность своей натурь и т. д., эту совокупность, порождающую еще иногда великих людей — какого-нибудь Канову или Росси-ни, в то время как в Англии или во Франции жеманство, необходимое для успеха или признания, превращает всех людей искусства в кукол. Большинство французов, отправляющихся в Рим насладиться прекрасной Италией и провести целый год в удовольствиях, возвращаются оттуда, умирая от скуки, не перекинувшись словом и с тремя женщинами из общества; самым приятным мгновением в их путешествии оказывается то, когда они вновь переступают порог кафе Тортони».

Двадцати строк не переделал я в этих заметках, написанных в 1817 году. Тогда я был счастлив, а я ничего не ценю так, как *счастье*. Я не стану просить у публики прощения за то, что предлагаю ей плохую книгу. Прочитав две только что написанные мною страницы, даже тот читатель, которому моя манера чувствовать и понимать покажется наиболее чуждой, сможет уразуметь, с чем он имеет дело. Тот, кому станет скучно, не прочтет книги — а это почти то же, как если бы она и вовсе не существовала. Вести в *заблуждение* она могла бы лишь в том случае, если бы у меня имелись друзья среди литераторов, располагающих газетами. Но обо мне никогда не написали даже крохотной заметки. Только что,

правя корректуру этой страницы, я получил от издателя, продающего книгу под названием «О любви», нижеследующее письмо:

Париж, 3 апреля 1824 года.

Милостивый государь,
я очень желал бы наступления того момента, когда мог бы рассчитаться с Вами по доходу, который надеялся получить от Вашей книги «О любви», но я начинаю думать, что такое время никогда не наступит: не продано и сорока экземпляров, и я могу сказать о ней то, что сказано о «Священных стихах» Помпиньяна:

Они священны тем, что к ним не прикасались...

Имею честь пребывать и т. д.,

Ф. Монжи-старший, книгоиздатель.

Даже если мои произведения останутся священными, как по сему поводу изящно выразился господин Монжи, плачевное это обстоятельство я сочту менее унизительным, чем необходимость являться в редакцию «Constitutionnel» и вымаливать рецензию. Я отлично знаю, что, следуя такому методу, не достигнешь того, что здесь именуется славой. Но уж если бы я хотел о чем-либо ходатайствовать, то отправился бы в Рим и просил место *monsignore*¹, единственное, которое мне хотелось бы получить. Вопреки всему, что пошлики пишут и печатают об Италии, человек, разыгрывающий комедию, — в римском или миланском обществе такая же редкость, как просто и естественно ведущий себя человек в Париже. Правда, говорят, в Риме не принято отзываться плохо о религии, так же как порядочному человеку не принято здесь произносить бранные слова в гостиной.

¹ Монсеньора (*um.*).

Вы полагаете, что итальянец — законченный лицемер, вечный притворщик, а это самое естественное человеческое существо в Европе, менее всего помышляющее о том, что подумает его сосед. Вы считаете его искуснейшим заговорщиком, человеком исключительной осмотрительности, воплощенным Макиавелли, но вы же сами видите, как по-детски нелепо ведут себя заговорщики Пьемонта и Неаполя.

Монмаренси, 30 июля 1824 года.

Берлин, 2 сентября 1816 года. Распечатал письмо, в котором мне разрешается четырехмесячный отпуск. Радость, доходящая до сердцебиения. Какой я еще безумец в свои двадцать шесть лет! Итак, я увижу прекрасную Италию! Однако стараюсь не попадаться на глаза министру: евнухи всегда гневаются на распутников. Я даже готов к тому, что по возвращении месяца два со мной будут *холодны*. Но мысль о путешествии доставляет мне такую радость! *И кто знает, просуществует ли мир еще три недели?*

Ульм, 12 сентября. Для сердца — ничего. Северный ветер портит мне все удовольствие. Шварцвальд вполне оправдывает свое название: он угрюм и суров. Темная зелень елей хорошо выделяется на ослепительной белизне снега. Но со времен московского похода вид снега не доставляет мне никакого удовольствия.

Мюнхен, 15 сентября. Граф де*** представил меня нынче вечером госпоже Каталани. Когда я пришел, гостиная этой знаменитой певицы набита была посланниками и пестрела орденскими лентами всех цветов; и от меньшего голова пошла бы кругом. Король истинно любезный человек. Вчера, в воскресенье, госпожа Каталани,

особа очень набожная, отправилась в придворную церковь, где и завладела довольно бесцеремонно небольшой огороженной площадкой на хорах, предназначенней для дочерей его величества. Один камергер, в ужасе от подобной дерзости, направился к певице, желая ей указать на ее оплошность, но был отброшен с большими потерями. Она заявила ему, что немало монархов оказывают ей честь своей дружбой и потому она считает себя вправе занимать это место и т. д. Король Максимилиан¹ отнесся к этому делу как человек, двадцать лет прослуживший полковником французской армии. При многих других дворах этой страны, где так неумолимо соблюдается этикет, подобное безрассудство легко могло бы привести госпожу Каталани в кутузку.

Милан, 24 сентября. Прибыл сюда в семь вечера, изнемогая от усталости. Тотчас же помчался в Скалу². Но путешествие дало себя знать. Мои утомленные органы чувств оказались неспособными вкушать наслаждение. А ведь в этот вечер я видел все самое необычное, что только может пригрезиться восточному человеку; самое изумительное, самое богатое в смысле архитектурных красот; самые блестящие драпировки, какие только можно себе представить, сценические персонажи, которые не только носят одеяние той страны, где происходит действие, но имеют и внешность, и все повадки ее жителей.

25 сентября. Спешу в этот первый в мире театр: там все еще идет «Testa di bronzo» («Бронзовая голова»),

¹ Максимилиан — первый король Баварии (1756—1825), получил корону из рук Наполеона, участвовал в его походах. — Примеч. ред.

² Или Ла Скала (*ит.* La Scala, сокращенно от Teatro alla Scala — «Театр у лестницы»), оперный театр в Милане, основанный в 1778 году. — Примеч. ред.

и я смог полностью насладиться представлением. Действие происходит в Венгрии; ни один венгерский князь не был более горд, более порывист, более великолдушен и воинственен, чем Галли. Это один из лучших актеров, каких я когда-либо видел, и лучший бас, какого я когда-либо слышал. Его голос разносится даже по коридорам этого огромного театра¹.

С каким искусством подобраны цвета в театральных костюмах! Я словно увидел лучшие картины Паоло Веронезе. Рядом с Галли, венгерским князем, в национальном костюме, блестящем гусарском мундире — белом, красном, золотом, его первый министр в черном бархате с единственным ярким украшением — знаком пожалованного ему ордена; питомица князя, прелестная Фабр, в небесно-голубой с серебром шубке и кивере с белым пером. Театр этот дышит величием и роскошью: здесь каждую минуту видишь не менее ста рядовых певцов или статистов, одетых так, как во Франции одевают актеров на первых ролях. Для одного из последних балетов сшито было сто восемьдесят пять костюмов из бархата и атласа. Затраты огромные. Театр Скала — это салон, где бывает весь город. Люди из общества встречаются лишь там: открытых приемов в частных домах не бывает. «Увидимся в Скала», — говорят друг другу, назначая свидание по любому делу. Первое впечатление просто опьяняющее. Пишу это вне себя от восторга.

26 сентября. Я вновь обрел лето, в прекрасной Италии это пленяет больше всего. Я испытываю нечто вроде опьянения. Ездил в Дезио, прелестный английский сад в десяти милях к северу от Милана, у подножия Альп.

¹ Вряд ли то, что говорилось о голосах в 1816 году, остается верным и десять лет спустя.

Выхожу из Скала. Ей-богу, восторг мой нисколько не уменьшается. Я считаю Скала первым в мире театром, ибо его музыка доставляет больше всего удовольствия. В зале нет ни одной лампы: он освещен лишь отраженным от декораций светом. Даже вообразить невозможно что-либо более величественное, более роскошное, более впечатляющее, чем все его архитектурные формы. Сегодня вечером одиннадцать раз меняли декорации. Теперь я обречен на вечное отвращение к нашим театрам — вот где отрицательная сторона путешествия по Италии.

Я плачу́ каждый вечер один цехин за ложу третьего яруса, которую обязался сохранить за собой на все время своего пребывания. Хотя света совершенно нет, я хорошо различаю людей, входящих в партер. Зрители кланяются друг другу из ложи в ложу через весь театр. В некоторых ложах я уже представлен. В каждой из них нахожу пять-шесть знакомых, и начинается беседа, как в гостиной. Манера обращения здесь полна естественности, господствует мягкая веселость, и, что особенно приятно, нет никакой важности.

В музыке единственный термометр красоты — та степень немого очарования, в которое погружается наша душа. А ведь о какой-нибудь картине Гвидо я могу сказать с полнейшим хладнокровием: «Вот первосортная вещь!»

27 сентября. Некий венгерский герцог (на сцене он «герцог», так как здесь полиция очень неохотно разрешает появление на подмостках «короля»: можно привести забавные примеры); итак, герцог Пресбургский любит свою питомицу, но она состоит в тайном браке с одним молодым офицером (Бонольди), которому покровительствует первый министр. Сей юный офицер не знает, кто его родители, а между тем он внебрачный

сын герцога, и министр хочет добиться официального признания этого родства. Едва до молодого офицера дошла весть о том, что герцог намерен сочетаться браком с его женой, как он оставляет свою воинскую часть и является к весьма встревоженному этим министру, который и скрывает его в одном из подземелей замка. Единственный выход из этого убежища находится в цоколе бронзовой головы, украшающей парадный зал. Эта голова и сигнал, который надо подать, чтобы открылась дверь в цоколе, приводят к самым удивительным и неожиданным происшествиям. Так, например, начинается финал первого действия: когда герцог ведет свою питомицу к алтарю, раздаются громкие удары: брошенный по ошибке в подземелье слуга стучит в цоколь бронзовой головы, чтобы его выпустили на свет божий.

Офицер-дезертир, которого преследуют в горах, пойман и приговорен к смерти; тогда министр раскрывает герцогу тайну его рождения. В тот миг, когда счастливый отец охвачен величайшей радостью, доносятся ружейные выстрелы, приводящие приговор в исполнение. Квартет, который начинается этими зловещими звуками, и переход с комического тона на трагический поразили бы слушателя даже в какой-нибудь партитуре Моцарта. А ведь здесь, судите сами, речь идет о первом произведении молодого композитора! Господину Солливе, воспитаннику консерватории, основанной здесь принцем Евгением¹, двадцать пять лет. Давно уже не слышал я такой сильной, пламенной и полной драматизма музыки. Ни единого мгновения скуки. Что же он — гений или просто plagiatör? В Милане недавно представили одну за другой две или три оперы Моцарта, только начинающего проникать сюда, и музыка Солли-

¹ Евгений (Эжен) Богарне — пасынок Наполеона, вице-король Королевства Италия (1805–1814). — Примеч. ред.

вы все время напоминает Моцарта. Что же это — удачно сделанная музыкальная окрошка или гениальное творение?

28 сентября. Да, это гениальное творение: в нем есть огонь, насыщенная драматизмом жизнь, сила музыкальных эффектов, впрочем совершенно чуждых стилю Моцарта. Но Соллива еще молод. Восхищенный Моцартом, он усвоил его колорит. Если бы модным композитором был сейчас Чимароза, он показался бы нам новым Чимарозой.

Дюгазон говорил мне в Париже, что все юноши, явившиеся к нему учиться декламации, были маленьками Тальма. Требовалось не менее полугода, чтобы сорвать с них обличье этого великого актера и увидеть, есть ли что-нибудь за душой у них самих.

Ни один художник не передает движения человеческих фигур лучше, чем Тинторетто. Соллива несравнен в музыкальном воплощении живого драматизма. Песенных мелодий в его произведении мало: ария, которую в первом действии поет Бонольди, немногого стоит. Побеждает Соллива в хоровых партиях и облигатных речитативах, рисующих характеры. Не передать словами впечатления, которое производит в первом действии выход Галли, спорящего со своим министром. Роскошь постановки ослепляет, звуки музыки, столь мужественной и столь правдиво передающей действие, поражают слух, и вот душа прикована к спектаклю. В этом и состоит *высшее* его достижение. После этого даже лучшие трагедии кажутся холодными. Соллива, подобно Корреджо, понимает, что значит пространство. Впечатление не ослабевает даже и на каких-нибудь две секунды: все, что слух уже предвидит, Соллива синкопирует. Соллива струщает свои музыкальные идеи, не оставляя никаких пустот. И это прекрасно, как самые живые симфонии Гайдна.

1 октября. Узнал, что сюжет «Бронзовой головы» — французская мелодрама. В Париже она не имела успеха, а в Милане музыка превратила ее в шедевр, придав человеческим переживаниям тонкость и глубину. «Но почему, — сказал я господину Порте, — ни один итальянский поэт не придумает сценической канвы, богатой необычными положениями, что так необходимо для музыки?» — «Мыслить у нас опасно. Писать — верх неблагородства. Поглядите-ка, сегодня первое октября, а какой приятный, ласкающий ветерок овеяет нас. Ну как тут подвергаться угрозе изгнания в снега Мюнхена или Берлина, к унылым людям, думающим только о своих орденах и родословных? Наш климат — вот наше богатство».

В Италии литература возникнет лишь после того, как она получит две палаты. А до тех пор все, что здесь создают, — лишь подделка под культуру, чисто академическое творчество. Среди всеобщей пошлости может внезапно блеснуть гений. Но Альфьери, например, творит вслепую, он не может рассчитывать на настоящую публику. Все, кто ненавидит тиранию, превозносят его до небес. Все, кто живет милостями тирании, злобно клевещут на него. Итальянской молодежи так свойственны невежество, лень и жажда наслаждений, что Италия дорастет до двухпалатного представительства не раньше как через сто лет. Наполеон, сам, возможно, не догадываясь, вел ее к этому. Он уже возродил личную храбрость в Ломбардии и Романье. Битва при Раабе в 1809 году выиграна была итальянцами.

Но оставим печальные темы. Поговорим о музыке: только это искусство еще и живо в Италии. Кроме одного-единственного человека, вы найдете здесь таких же живописцев и скульпторов, как в Париже и Лондоне, — людей, думающих прежде всего о деньгах. Музыка, напротив, еще хранит немного творческого огня,

который одушевлял в этой стране сперва Данте, потом Рафаэля, поэтов, художников и, наконец, таких музыкантов, как Перголези и Чимароза. Этот божественный пламень зажжен был некогда свободой и героическими нравами средневековых республик. В музыке есть два пути, чтобы достичь наслаждения: стиль Гайдна и стиль Чимарозы, возвышенная гармония и пленительная мелодичность. Стиль Чимарозы пригоден для народов юга, тупицам незачем ему подражать. Мелодия достигла высшей ступени развития около 1780 года; с тех пор характер музыки изменился: развивается гармония, песенность убывает. Живопись умерла и погребена. Случайно, лишь благодаря мощному животворящему воздействию климата Италии на душу человека выросло творчество Кановы. Но, подобно Альфьери, Канова своего рода диковинка: кругом нет ничего похожего, ничего близкого ему, и скульптура в Италии так же мертва, как искусство Корреджо. Довольно хорошо сохраняется мастерство гравюры, но ведь это, в сущности, всего лишь ремесло.

В Италии жива только музыка. В этой прекрасной стране надо заниматься лишь любовью. Для всех других наслаждений души ставятся всевозможные препятствия. Человек, желающий быть гражданином, умирает здесь, отравленный унынием. Подозрительность гасит дружбу, но зато любовь в Италии пленительна. Повсюду в других странах это лишь копия с итальянского подлинника.

Недавно я был в ложе, где меня представили высокой, прекрасно сложенной женщине — я дал бы ей года тридцать два. Она еще красива той красотой, которая не встречается к северу от Альп. Все, чем она окружена, свидетельствует о богатстве, а в ее манере обходиться с людьми отчетливо заметна какая-то меланхолия. Когда

я выходил из ложи, приятель, представивший меня, сказал: «Послушайте, я вам кое-что расскажу».

Найти в Италии человека, склонного в разговоре с глазу на глаз что-нибудь рассказать, очень трудно. Они берут на себя этот труд лишь в присутствии своей приятельницы или же, по крайней мере, с удобством устроившись в отличной *poltrona* (глубокое кресло). Рассказ моего нового друга я передаю в сокращенном виде, без живописных подробностей, при изложении которых он часто переходил от слов к жестам.

«Шестнадцать лет назад один очень богатый человек, миланский банкир Дзильетти, приехал как-то вечером в Брешию. Он идет в театр и в одной ложе замечает очень юную женщину, наружность которой поразила его. Дзильетти было сорок лет, он только что заработал несколько миллионов, и можно было с полной уверенностью считать его преданным одной лишь наживе. В Брешию он прибыл по важному делу, требовавшему его срочного возвращения в Милан. И вот он забывает о своем деле. Ему удается заговорить с этой молодой женщиной. Ее, как вы знаете, зовут Джина. Она была женой очень богатого дворянина. Дзильетти удалось похитить ее. И вот шестнадцать лет он ее обожает, но жениться не может: муж еще жив.

Полгода назад заболел любовник Джини — уже два года у нее есть любовник — Маласпина, поэт с такой красивой наружностью, вы его видели у Бибин Катены. Дзильетти, влюбленный в Джину, как в первый день встречи, сильно ревнует. Все свое время он проводит либо в конторах, либо с Джиной. Та в отчаянии, что ее любовнику грозит опасность, и, хорошо зная, что слугам ее щедро платят золотом, чтобы они сообщали о каждом движении своей хозяйки, велит остановить свою карету у собора, а сама, пройдя через подземный ход из

этой церкви к архиепископскому дворцу, отправляется к старьевщику и покупает мужскую одежду и веревки. Не имея возможности унести мужские вещи иным способом, она надевает их на себя, под свое женское платье, и без всякой помехи возвращается в карету. Дома она под предлогом незддоровья запирается в своей комнате. В час пополуночи она спускается с балкона на улицу по веревкам, из которых предварительно сплела довольно грубую лестницу. Квартира ее находится на очень высоком *piano nobile* (второй этаж). В половине второго она, переодетая в мужское платье, является к своему любовнику. Маласпина вне себя от счастья: он до смерти тосковал, не надеясь увидеться с ней еще хоть раз. „Но не приходи больше, дорогая Джина, — говорит он ей около трех часов утра, когда она решила уходить. — Дзильети подкупил моего привратника. Я беден, у тебя тоже ничего нет. Ты привыкла к роскоши, я умру от отчаяния, если из-за меня ты порвешь с Дзильети“.

Джина вырывается из его объятий. На следующую ночь, в два часа, она снова стучится к своему любовнику в окно, которое находится тоже на втором этаже и выходит на обширный каменный балкон; таких здесь очень много. Но Маласпина в бреду: он говорит только о Джине, о своей страстной любви к ней. Джина, выбравшись из своего дома через окно с помощью веревочной лестницы, поднялась к любовнику тем же способом. И так продолжалось целых тринадцать ночей, пока Маласпина находился в опасности».

Парижанки сочли бы все это в высшей степени нелепым. И я сам, дерзнувший рассказать о подобном предприятии, тоже могу показаться смешным. Не думайте, что я одобряю подобные нравы, и, однако же, все это меня трогает, восхищает. Завтра я не смогу по-

дойти к Джине иначе как с чувством величайшего уважения, сердце мое забытось, словно мне двадцать лет. А вот в Париже такие переживания для меня невозможны.

Если бы у меня хватило смелости, я обнял бы приятеля, рассказало го мне эту историю. Я заставил его говорить больше часа и не могу теперь не чувствовать к нему самой нежной привязанности.

2 октября. Соллива мал ростом и, как подобает одаренному человеку, имеет хилую внешность. Впрочем, я много на себя беру: надо посмотреть, каково будет его следующее произведение. Если усилится подражание Моцарту, если уменьшится *живой драматизм*, значит этот человек мог выносить в своем сердце лишь одну оперу — случай в среде музыкально одаренных людей довольно обычный. Молодой композитор создает две-три оперы, после чего начинает повторяться и превращается в посредственность; таков, например, Бертон во Франции.

Галли, тридцатилетний красавец, — несомненно, главный залог успеха «Бронзовой головы». Многие готовы предпочесть ему Реморини (министр), тоже отличного баса, с очень гибким голосом, с большим умением петь, а у басов это редкость. Но голос его — всего-навсего прекрасный инструмент, всегда один и тот же, почти без души. В этой опере славу ему создал лишь один, идущий от сердца крик:

O, fortunato istante!¹ —

всего из двадцати музыкальных тактов. Маэстро удалось схватить естественное выражение, и публика восторженно оценила это.

¹ О, счастливый миг! (*ut.*)

У Фабр, молодой француженки, родившейся здесь, во дворце принца Евгения, и пользовавшейся покровительством вице-королевы, отличный голос, особенно с тех пор, как она жила со знаменитым сопрано¹, с Веллути. В некоторых особенно страстных местах она вызывает настоящее восхищение. Но ей нужен менее обширный зал. Впрочем, говорят, она влюблена в Любовь. Я уже не сомневаюсь в этом с тех пор, как увидел ее поющей

Stringerlo al petto²

во втором действии, в момент, когда она узнает, что ее муж, которого якобы расстреляли, на самом деле спасся. Один из доверенных людей министра велел выдать солдатам холостые патроны. На сегодняшнем представлении — обстоятельство необычное и трогательное — весь театр был взволнован³. Когда Фабр рассеянна или утомлена, она весьма посредственна. В каком-нибудь серале это был бы великий талант. Ей двадцать лет. Даже когда она поет плохо, я предпочитаю ее певицам без души, например госпоже Чинти.

Басси превосходен: у него-то уж души хватает! Какой бы это был божественный актер, если бы только он имел голос! Сколько огня! Какая сила! Какое увлечение игрой! В течение сорока дней он каждый вечер выступает в «Бронзовой голове», и не бойтесь: он ни единого взгляда не бросит в зрительный зал, это все тот же трусоватый

¹ Сопранист — певец-мужчина, исполняющий вокальные партии сопрано. Согласно господствовавшей вплоть до конца XVIII в. традиции партия главного героя писалась для высокого мужского голоса и в итальянской традиции чаще всего исполнялась певцами-кастратами. — Примеч. ред.

² Прижать его к груди (*им.*).

³ Вдова маршала Нея присутствовала в театре. Ее удалось увести до того момента, когда слышится залп ввода, приводящего в исполнение смертный приговор.

и чувствительный слуга венгерского герцога. Во Франции человек такого ума (Басси сам пишет неплохие комедии) побоялся бы оказаться смешным, с увлечением проводя свою роль даже тогда, когда его не слушают. Сегодня вечером я сказал ему это, он же ответил: «Я хорошо играю для своего собственного удовольствия. Я стараюсь воплотить на сцене трусливого слугу, которого увидел в своем воображении с самого начала, как стал выступать в этой роли. Теперь, когда я появляюсь на подмостках, мне доставляет удовольствие становиться трусливым слугой. Если бы я смотрел в зал, то пропал бы со скуки и, думается мне, даже позабыл бы свою роль. К тому же голоса у меня почти нет; чем бы я был, не будь я хорошим актером?» Чтобы обладать прекрасным голосом, надо, подобно женщинам, сохраняющим свежесть и привлекательность, иметь холодное сердце.

Существа, вкладывающие в игру всю душу, как-то инстинктивно неприятны тем лицам из самого высшего общества, которым не хватает ума: у людей одаренных они хотят видеть выучку, все вдохновенное кажется им преувеличенным. Сегодня вечером я убедился в этом на примере немецкого барона Кенигсфельда. Вчера же этот щепетильный барон бранил официанта в ресторане за то, что тот неправильно записал себе его благородное имя.

3 октября. Миланскому оркестру, с удивительным мастерством исполняющему вещи *нежные*, недостает брио там, где требуется сила звучания. Инструменты с какой-то робостью берут ноту.

Оркестру Фавара свойствен противоположный недостаток: он всегда старается заглушить актера, производя как можно больше шума. В идеальном оркестре скрипкам следует быть французами, духовым инстру-

ментам — немцами, а остальным, равно как и дирижеру, — итальянцами.

Должность дирижера, особенно важную, когда речь идет о пении, в Милане занимает знаменитый Алессандро Ролла. Полиция просила его не выступать с игрой на альте: она вызывала у женщин нервические припадки.

Французу, приехавшему в Италию, можно сказать: Чимароза — это Мольер среди композиторов, а Моцарт — Корнель; Майр, Винтер и др. — Мармонтель. Безыскусственное изящество прозы Лафонтена в «Любви Психеи» по-своему претворил Паизиелло.

4 октября. Сегодня я ездил смотреть трогательные фрески Луини в Саронно, картезианский монастырь в Кариньяно с фресками Даниеле Креспи, отличного художника, который был младшим современником Караваджо и хорошо прочувствовал Корреджо. Видел также Кастелацио. Замком Монтебелло, который знаменит тем, что в 1797 году там жил Бонапарт, я остался недоволен. Согласно принципу *major e longinquο reverentia*¹, Бонапарт с того времени не останавливался в городах, чтобы не быть у всех на виду. Лейнато, сад со всевозможными постройками, принадлежащий его светлости герцогу Литте, мне понравился. Этот придворный Наполеона не стал после 1814 года изображать флюгер и мужественно бросил вызов *tedeschi*². Следует отметить, что Наполеон назначил его обер-камергером безо всякого ходатайства с его стороны. Герцог Литта написал книгу и напечатал один экземпляр ее, который намеревается сжечь перед смертью. Говорят, у него от семисот до восьмисот тысяч ливров дохода. В одной из аллей Лейнато я издали видел жену его племянника,

¹ Больше читается тот, кто в отдалении (*лат.*).

² Немцам (*ит.*).

duchino¹. Она принадлежит к числу двенадцати красивейших женщин Милана. Выражение лица ее мне показалось презрительным, как на стариных испанских портретах. Прогулок в Лейнато без провожатого следует осторегаться: в этом саду масса фонтанов, неожиданно орошающих посетителя. Я взошел на первую ступеньку одной из лестниц, и целых шесть струй воды облили меня до колен.

Именно в Италии архитекторы Людовика XIV получили вкус к таким садам, как версальский или тюильрийский, где деревья перемежаются с постройками.

В Джерньетто, вилле известного святоши Меллерио, есть статуи Кановы. Еще раз побывал в Дезио, простом английском саду к северу от Милана, который, по-моему, лучше всех других. Оттуда видны близкие уже горы и Rezegon di Lek (Пила-Лекко). Воздух там здоровее и прохладнее, чем в Милане. Наполеон повелел, чтобы рисовые плантации и луга marciti (поливные, их скашивают по восемь раз в год) находились бы от Милана не ближе чем в пяти милях. Но он дал землевладельцам отсрочку для перемены культур. Возделывать рис — предприятие очень выгодное, поэтому землевладельцы подмазали полицию, и к западу от Милана, за воротами Верчелли, я видел рисовые поля на расстоянии пушечного выстрела от города; что же касается грабителей, то их чуть ли не каждый вечер встречаешь и на расстоянии ружейного. Полиция, так же как в Париже, озабочена лишь политическими делами и, между прочим, варварски обстригает посаженные Наполеоном деревья, извлекая выгоду из продажи хвороста. Но так как и у соглядатаев вкус итальянский, та же полиция заставила жителей Милана сделать чудеса для украшения города. Так, например, в дождь можно проходить под самыми

¹ Наследник герцогского титула (*ut.*).

стенами домов: вода с крыш отводится жестяными трубами в каналы, проложенные под каждой улицей. Карнизы здесь резко выступают, так же как балконы, и потому, идя вдоль домов, можно довольно хорошо увернуться от дождя.

Читатель посмеялся бы над моей восторженностью, если бы я простодушно изложил ему все, что написал 4 октября 1816 года, возвратившись из Дезио. Эта прелестная вилла принадлежит маркизу Кузани, который при Наполеоне пожелал соперничать в роскоши с герцогом Литтой.

Галли простудился. Нам снова приходится слушать оперу Майра «Елена», которую ставили перед «Бронзовой головой». Теперь она кажется такой скучной!

Но какой восторг вызвал *sestetto*¹ во втором действии! Вот она, музыка ноктюрна, нежная, умиляющая душу, подлинная музыка печали, я не раз слышал ее в Богемии. Это гениальный отрывок; старик Майр сохранил его со дней своей юности или же украл откуда-нибудь, и на нем держится вся опера. Вот народ, рожденный для прекрасного: двухчасовая опера держится одним пленильным отрывком, делящимся не более шести минут. Люди приезжают за пятьдесят миль, чтобы послушать этот секстет в исполнении мадемузель Фабр, Реморини, Басси, Бонольди и др., и в продолжение сорока представлений эти шесть минут с лихвой возмещают час скуки. В остальном нет ничего режущего слух, но и вообще ничего нет. В двухстах маленьких гостиных с завешанными окнами в зал, которые называются ложами, начинаются разговоры. Ложа стоит восемьдесят цехинов, а шесть лет назад, в счастливое для Италии время (царствование Наполеона, с 1805 по 1814 год), она стоила двести — двести пятьдесят. Наполеон похитил у Франции свободу, которой она пользо-

¹ Секстет (*um.*).

валась в 1800 году, и вернул в нее иезуитов. В Италии он уничтожил злоупотребления и оказывал покровительство всему достойному. Если бы этот великий человек осуществлял свой разумный деспотизм лет двадцать, здешний люд, может быть, дорос бы до двухпалатной системы.

Захожу в восемь или десять лож. Нет ничего милее, приятнее, достойнее любви, чем нравы миланского общества. Совершенная противоположность Англии: ни одного сухого, унылого лица. Женщин обычно сопровождают их возлюбленные. Безобидные шутки, оживленные споры, громкий смех, но никто не напускает на себя важности. В отношении нравов Милан — это республика, униженная пребыванием в ней трех немецких полков и вынужденная выплачивать трехмиллионную дань австрийскому императору. Наше чванство, которое итальянцы называют *sostenuto*¹, наше великое искусство принимать представительный вид, без чего нельзя рассчитывать на общественное уважение, у них вызвало бы предельную скуку. Проникшись очарованием этого милого миланского общества, невозможно от него отрешиться. Многие французы великой эпохи, явившись сюда, добровольно надели на себя цепи и несли их уже до самой смерти.

Из всех европейских городов в Милане самые удобные улицы² и самые удобные и самые красивые внутренние дворы. Квадратные дворы эти окружены, как в Древней Греции, портиком из прекрасных гранитных колонн. В Милане, пожалуй, не менее двадцати тысяч таких колонн: гранит добывают в Бавено на Лаго-Маджоре и доставляют по знаменитому каналу, соединяющему Адду с Тессино. Работу по проведению этого канала вел в 1496 году Леонардо да Винчи. Мы, как и все северные страны, были тогда варварами.

¹ Принужденность (*ut.*).

² The most comfortable streets.

Стендаль

С 79 Рим, Неаполь и Флоренция / Стендаль ; пер. с фр. Н. Рыковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 448 с. + вкл. (16 с.). — (Азбука-классика. Non-Fiction). ISBN 978-5-389-13285-6

Книга путевых очерков «Рим, Неаполь и Флоренция» мало напоминает привычный путеводитель. «Барон де Стендаль, кавалерийский офицер», имя которого значилось на обложке первого издания (1817), не слишком заботился о том, чтобы снабдить своих читателей подробной инструкцией: какими тропами следует ходить и какими достопримечательностями любоваться под небом благословенной Италии.

Однако в его книге присутствовало нечто иное — итальянцы, люди, о которых в большинстве случаев умалчивали авторы бесчисленных путеводителей и путевых очерков. С мастерством великолепного романиста (в то время еще, впрочем, не явленного миру) в сотне увлекательных анекдотов, где то и дело встречаешь имена классиков, Стендаль создает объемный и живой портрет итальянского общества. И наблюдение местных нравов оказывается для автора средством лучше понять, чем живет эта горячо им любимая страна, что дарит ее прославленным композиторам способность создавать столь прекрасную музыку, певцам — умение исполнять свои арии с таким чувством, а художникам изумлять мир произведениями, покоряющими публику на многие века.

УДК 7.06 + 792
ББК 85 + 85.33 (3)

Литературно-художественное издание

СТЕНДАЛЬ
РИМ, НЕАПОЛЬ И ФЛОРЕНЦИЯ

Ответственный редактор Анна Щеникова-Архарова

Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Ольги Варламовой

Подготовка иллюстраций Вадима Пожидаева-мл.

Корректоры Светлана Федорова, Маргарита Ахметова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.02.2020. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 20,45 (вкл. вклейки).

Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru



V-NFA-21439-02-R